

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-757-778

Научная статья / Research article

«Новый» Русский Север: историческая провинция в тисках социальных и политических проблем

Ю.П. Шабаев

*Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук», Сыктывкар, Российская Федерация*

 yupshabaev@mail.ru

Аннотация. Анализируется специфика колониционных процессов на европейском севере России в различные эпохи. Рассмотрен проблемный характер современных демографических и социальных процессов и их этнокультурная составляющая. Существенное внимание уделено анализу характера социального и культурного развития Европейского Севера в предшествующие эпохи и переосмыслению существующих трактовок процесса социалистической индустриализации Европейского Севера. Показано, что с позиций общесоциологического подхода ее нельзя рассматривать как процесс модернизации, а поэтому корректнее будет говорить об очередном этапе колонизации — штрафной колонизации. В позднесоветский период произошел переход к новой модели развития региона, но новая модель не была ориентирована как на гражданскую интеграцию, так и на формирование укорененных социумов. В северных республиках и областях не сформировались прочные и укорененные территориальные сообщества, обладающие ясно выраженной идентичностью. Показано, что назрела острая необходимость формировать новую модель освоения Европейского Севера, используя как ресурс культурного наследия, так и современные подходы к формированию производственной и социальной среды. Кроме того, все очевиднее становится необходимость масштабного обновления региональных политических элит и принципов их формирования. В работе использованы сравнительно-исторический и этнографический методы, положения миграционной теории, статистические и социологические методы (массовые опросы), а также политико-социологические подходы к пониманию социального конфликта. Что касается политологических подходов, то статья опирается на положения теории рационального выбора.

Ключевые слова: Русский Север, регион, колонизация, идентичность, социальные процессы, региональные элиты, политические настроения

© Шабаев Ю.П., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Шабаяев Ю.П. «Новый» Русский Север: историческая провинция в тисках социальных и политических проблем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. №4. С. 757–778. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-757-778>

‘New’ Russian North: The Historical Province Amidst of Social and Political Problems

Yury P. Shabaev

*Federal Research Center Komi Scientific Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation*

 yupshabaev@mail.ru

Abstract. This article analyzes the nature of colonization processes in the European north of Russia in different eras. Special consideration is given to the problematic nature of modern demographic and social processes and their ethno-cultural component. Significant attention is paid to the analysis of the nature of the social and cultural development in the European North in previous eras and to the rethinking of existing interpretations of the process of the socialist industrialization in this area. It is demonstrated that from the standpoint of the general sociological approach, this industrialization cannot be viewed as a process of modernization, and therefore it would be more correct to speak of the next stage of colonization, the penal one. In the late Soviet period, a transition to a new model of the regional development took place. However, this new model presupposed neither the civil integration nor the formation of rooted societies. Strong rooted territorial communities with a clearly defined identity have not formed in the northern republics and oblasts. It is shown that there is an urgent need to form a new model for the development of the European north, using both the resource of cultural heritage and modern approaches to the formation of the industrial and social environment. In addition, the need for a large-scale renewal of the regional political elites as well as the very principles of their formation is becoming more and more obvious. The work uses comparative historical and ethnographic methods, the provisions of migration theory, the statistical and sociological methods (mass polls), as well as political and sociological approaches to understanding social conflict. As for the political science approaches, the article is based on the provisions of rational choice theory.

Keywords: Russian North, region identity, social processes, colonization, regional elites, political sentiments

For citation: Shabaev, Yu. P. (2022). ‘New’ Russian North: The historical province amidst of social and political problems. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 757–778. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-757-778>

Введение

Россия как государство формировалась и развивалась за счет последовательного присоединения к ее культурному ядру, названному в XIX в. «Великой Россией», все новых территорий, отличавшихся как природно-климатическими особенностями, так и культурным составом населения. Первой территорией,

интегрированной в состав Государства Российского, стал Европейский Север. В процессе многовековой колонизации здесь сформировалась историческая провинция, получившая на рубеже XIX и XX вв. наименование Русский Север, хотя в Финляндии территории Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний, которые условно можно объединить под названным топонимом, с конца XIX столетия стали рассматриваться в контексте культурной концепции Suur Suomi (Великой Финляндии), которая в эпоху между двумя мировыми войнами приобрела откровенно экспансионистский характер.

Появление двух конкурирующих культурных маркеров есть свидетельство того, что символическая и политико-правовая борьба за влияние на северных территориях, примыкающих к современной Арктической Зоне, имеет длительную историю. Двумя самыми важными аргументами в пользу маркирования Европейского Севера как сугубо российской территории является ее историческое наследие — с одной стороны, и степень культурной освоенности — с другой. В этом контексте мы попытаемся оценить как историческую и политическую/этнополитическую эволюцию региона, так и динамику современных социокультурных и политических/этнополитических процессов, имеющих место на указанной территории.

Характер досоветской колонизации Европейского Севера и его культурное значение

В XIX в. исследователи долгое время решали проблему выделения исторического ядра Великороссии и первоначально на «трон исторической прародины великорусов» была помещена территория Великого княжества Московского конца XV в., когда было положено начало формирования централизованного государства. Но позднее в состав исторического ядра была включена и территория Европейского Севера, которая со второй половины XIX в. стала объектом пристального внимания фольклористов, этнографов, историков. Усилиями целой плеяды исследователей был создан новый культурный образ региона. Север к тому времени давно перестал быть главными морскими воротами России и экономически деградировал. Ослабевшие связи с центральными губерниями приводили к тому, что данная территория стала восприниматься как культурная периферия, задворки империи. Но ставшие достоянием общественности результаты научного поиска показали, что регион является «культурной кладовой» русского народа, где живо наследие домонгольской Руси, где сохранилась «исконная русскость». С целью прикоснуться к этому культурному наследию сюда поехали художники, писатели, разночинная интеллигенция. А завершил проект «культурной кладовой России» губернатор Архангельской губернии Энгельгардт, в самом конце XIX в. опубликовавший путевые заметки, в которых впервые был использован топонимический определитель «Русский Север» [Шабаев 2011]. Окончательно закрепился данный маркер/топоним после создания в 1908 г. Архангельского общества изуче-

ния Русского Севера (АОИРС) и проведения двух художественных выставок «Русский Север».

Помимо русских Европейский Север населяли карелы, саамы, вепсы, коми-зыряне, европейские ненцы, представители других этнических групп. Маркирование Европейского Севера как исконно русской территории было связано с тем, что русские были доминантной группой населения, а в культуре и великорусов, и других местных народов имелось много общих черт. Новый бренд стал культурным инструментом, который использовали для противостояния культурной и экономической экспансии со стороны соседей России и их попыткам использовать концепцию *terra nullius* (ничейной земли) в борьбе с российскими национальными интересами. В ответ на эти угрозы субрегион был представлен как цельная и неделимая культурная провинция, имеющая славянскую культурную основу. Подобная маркировка стала актуальной потому, что в конце XIX в. в Приладожье и Беломорской Карелии активизировалась деятельность лютеранских проповедников, пытавшихся обратить православных карел в протестантов, а финляндская элита к тому времени стала рассматривать Великое Княжество Финляндское не как органичную часть империи, а как самостоятельное государство, которое лишь состоит в союзе с Россией [Шабаев, Логинова 2017]. Примерно в это же время поморы начинают проигрывать в конкуренции с норвежским рыбопромышленникам, а попытки модернизации их промыслов оказывались малоэффективными [Коротаев 1998]. Более того, в 1910 г. Союз шкиперов города Тромсе объявил Новую Землю «ничейной землей» [Беляев 2010], где норвежские рыбопромышленники могли свободно осуществлять свою экономическую деятельность. Царское правительство вынуждено было снарядить военную экспедицию, чтобы выдворить норвежцев с российской территории.

Слабость позиций империи на ее периферийных владениях стала очевидной в середине XIX в., следствием чего стала не только продажа Аляски, но и переход к осознанной и организованной миграционной политике, начало которой было положено на Европейском Севере, где вплоть до XIX в. обширные территории оставались неосвоенными. Архангельский губернатор князь С.П. Гагарин разработал проект колонизации Мурманского берега, его предложения были рассмотрены и одобрены Комитетом министров 22 ноября 1868 г., и император Александр II утвердил «Положение о даровании льгот поселенцам Мурманского берега». Этот документ предоставлял колонистам целый ряд льгот: ведение беспошлинных промыслов и торговли, льготные ссуды на хозяйственные нужды, освобождение на восемь лет от всяких государственных налогов и др.¹ Но важно было не только привлекать поселенцев для освоения пустующих земель, но и создавать условия для экономического процветания

¹ Бусырева Е.В. Сохранение и трансформация этничности в финских семьях на Кольском полуострове (60-е годы XIX в. — начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2016. 26 с.

уже укорененного населения. С этой целью поморам предоставлялись льготы при торговле хлебом и рыбой с норвежцами, разрешались беспопыльные рубки в казенных лесах для постройки судов и т.д.

Стратегическое значение Русского Севера стало очевидным в годы Первой мировой войны, когда балтийские порты оказались блокированы германским флотом. Именно это обстоятельство заставило правительство начать этап промышленной колонизации Европейского Севера, символом чего стала эпопея со строительством Мурманской железной дороги (1914–1916 гг.) и строительство порта Романов-на-Мурмане. Это был первый опыт масштабного промышленного строительства на севере и в Заполярье, который показал, что как бы ни формировались кадры работников: из числа набранных по договорам российских крестьян, из австрийских военнопленных, из китайских «гастарбайтеров», они все равно не становились эффективными «покорителями севера», поскольку и мотивированность, и условия их жизни и труда не были приемлемыми в силу самого временного характера их пребывания на Севере. *Промышленное освоение Севера начиналось не как долговременная стратегия, призванная сформировать стабильное, укорененное и процветающее население, а как мобилизационный проект, нацеленный на экономические, но не социальные результаты.* Поэтому мурманскую дорогу уже после официального пуска вынуждены были достраивать десять лет, и только сдача ее и окрестных территорий в концессию позволила решить эту задачу.

Север больше не русский

Приход к власти большевиков, казалось, радикально менял как культурный ландшафт Европейского Севера, так и стратегию его освоения, ибо новыми властями было заявлено о необходимости «штурма тайги и тундры», быстрого подъема культуры «отсталых национальных окраин» и экономического преобразования этих территорий. В принятой в ноябре 1917 г. «Декларации прав народов России», заявлялось о праве народов на самоопределение вплоть до отделения, а созданный в то же время Народный комиссариат по делам национальностей учреждался как политический институт, главной целью которого являлось «размежевание народов» России. Идеологической основой политики размежевания была доктрина этнического национализма, сводившаяся к двум основным положениям: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным государственным образованием, 2) в рамках этого образования данная группа получала статус «коренной», а остальное население относилось к «некоренным» жителям. Коренная этническая группа могла претендовать на политическое доминирование и иные преференции [Тишков 1993]. На практике это означало, что необходимо совместить границы расселения этнических групп с административными границами. Ориентируясь на эту утопическую идею, большевики создали этническую федерацию: упразднили губернии и государство разделили на этнические анклав, т.е. союзные и автономные республики, округа, территории которых были переданы в символическую собственность только одно-

му собственнику — «коренным народам», к которым русские не были отнесены. Более того, русские были объявлены главными эксплуататорами на Севере [Слезкин 2008], а борьба с эксплуататорами декларировалась как основная цель новой власти. Этноним «великоросс» сознательно исключили из культурной и политической лексики, а термин/топоним «Русский Север» был предан забвению (как и АОИРС).

Олонецкая губерния превратилась в 1920 г. в Карельскую трудовую коммуноу, которая в 1923 г. была преобразована в Карельскую автономную республику с включением в ее состав новых районов с русским старожильческим населением. В 1921 г. создана Коми автономная область (преобразованная в 1936 г. в Коми АССР), которая объединила уезды Вологодской и Архангельской губерний, заселенные коми-зырянами (а также русскими), в 1929 г. учрежден Ненецкий национальный округ. При этом принципиально важно, что этнические автономии не создавались снизу — в результате актов самоопределения, т.е. референдумов, а были «сконструированы» новой политической элитой, а значит, принцип самоопределения, декларированный в 1917 г., был грубо нарушен.

На севере была только одна попытка реализовать право на самоопределение. Эта попытка была связана с созданным в 1918 г. ухтинским правительством, которое заявило, что судьба Беломорской Карелии (присоединение к Финляндии, полная самостоятельность или вхождение в состав Советской России) может быть решена только по итогам местного референдума [Витухновская-Кауппала 2010]. Но ухтинское правительство просуществовало недолго и референдум не состоялся.

Однако серьезных устремлений в пользу автономии не было ни среди большинства карел, ни среди коми, ни среди европейских ненцев, проживавших в Архангельской губернии. На территориях проживания народов, населявших Европейский Север, не возникло даже зародышей широких национальных движений (исключением с оговорками можно считать «Союз беломорских карел», созданный в 1905 г. в финском Тампере и состоявший преимущественно из финнов), а идеи автономизации были заимствованы отдельными представителями местных элит в процессе их большевизации.

В политическом плане местные большевики, являвшиеся идейными националистами [Кангаспуру 1997: 116], не были заинтересованы в формировании в «своих» регионах интегрированных гражданских сообществ и в этой связи П. Кауппала заметил, что ни в Карелии, ни в Коми не была сформирована типичная для Финляндии интеграционная идея, заключавшаяся в том, что финны и шведы представляют собой единый двуязычный народ [Кауппала 2006]. Отвергнутые еще на заре национально-государственного строительства идеи гражданской интеграции и формирования прочных региональных идентичностей даже много десятилетий спустя после краха коммунистического режима не появились в политической повестке дня у руководства республик. Поэтому до сих пор нет политонимов, обозначающих все население северных автономий (за исключением ХМАО), и нигде не сложилась прочная региональная идентичность, гражданская по своему содержа-

нию, о чем свидетельствуют результаты наших многолетних исследований [Шабаев, Омаров 2021].

Поскольку «отцы-основатели» северных автономий были националистами, они с энтузиазмом вели работу по «коренизации» автономий, инициированную руководством страны. В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные «русские» фамилии (Петров, Родионов и т.п.). Финнизация приводила к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. «Финноязычные» карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов — 5 финноязычные. До 1935 г. в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не говорил по-русски. В школах Ребол, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался» [Сурво, Сурво 2009: 126]. В других автономиях процесс коренизации не принял таких крайних форм, но вызывал очевидное недовольство нетитульного населения.

Важно заметить, что границы, статусы, официальные языки у национально-государственных образований неоднократно менялись, неизменным оставались культурные иерархии, воплощенные в идее «коренного народа» как главного народа на территории автономий. Более того, идеи этнической сепарации обрели в постсоветские годы правовую основу. В 1994 г. в новой Конституции Республики Коми было заявлено: «Коми народ — источник государственности Республики Коми»². Использование подобной трактовки означало, что вместо конституирования основополагающих правовых норм (источником государственности может быть только *право на самоопределение*, которым обладает территориальное сообщество в целом) конституционировались идеи этнического национализма. В Конституции Карелии, принятой в 2001 г., заявляется: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов»³. Тем самым, как и в случае с Коми, все иные этнические группы, исторически связанные с территорией Карелии, законодателями исключались из процесса нациестроительства. В постсоветских условиях власти республик не только не отказались от доктрины этнического национализма, но региональные модели этнополитики опирались и до сих пор в какой-то мере опираются на них [Шабаев, Омаров 2021], а последовательная и продуманная политика гражданской интеграции отсутствует. Подобная политическая практика не только превращает население республик и округов в разделенные сообщества, но и вытесняет их население. Полевые наблюдения и массовые опросы, которые проводились нами в последние два десятилетия,

² Конституция Республики Коми // «Красное знамя», 10 марта 1994 г.

³ Конституция Республики Карелия // Карелия официальная. Официальный интернет-портал Республики Карелия. URL: <http://www.gov.karelia.ru/Constitution/> (дата обращения: 15.07.2022).

показывают, что между разными этническими группами сохраняются культурные дистанции, которые подчеркиваются еще и тем, что практика региональных моделей этнополитики в республиках и округах строится на всемерном поощрении культурной отличительности групп.

Впрочем, аналогичную претензию можно высказать и в адрес властей Архангельской области, ибо там, как и в Карелии и Коми, тоже не акцентируется, что на ее территории сформировано поликультурное и многоэтническое сообщество, но особо подчеркивается значимость поморских традиций, хотя с принципиальными оговорками, связанными с тем, что часть государственных функций Ненецкого автономного округа формально входят в сферу компетенций АО. В главе 1 Устава области 6-й параграф 2-й статьи гласит: «На территории Архангельской области поддерживаются и поощряются традиции русского поморского Севера, обеспечиваются в соответствии с законодательством Российской Федерации права коренных малочисленных народов Российской Федерации на самобытное социально-экономическое и культурное развитие, защиту их исконной среды обитания и традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов»⁴.

Штрафная промышленная колонизация Европейского Севера

Одной из причин, которые лежат в основе современных социокультурных процессов, имеющих место на Европейском Севере РФ является модель индустриализации, избранная в СССР в отношении Севера. В советской исторической литературе 1920–1930-е гг. рассматриваются не только как эпоха активного национально-государственного строительства, но и как время индустриализации, в ходе которой происходило «покорение Севера», трактовавшееся как социальный подвиг, осуществленный «новым советским человеком».

Главное возражение по поводу укоренившихся трактовок сталинской индустриализации как модернизационного явления связано с тем, что модернизация есть «общественный процесс в целом, включая индустриализацию, в ходе которого прежде аграрные, исторические и современные общества становятся развитыми... Решающий фактор модернизации — преодоление, а также замена традиционных ценностей, враждебных к социальному изменению, экономическому росту»⁵. Сегодня под модернизацией понимается переход от доиндустриального к индустриальному обществу и сопутствующий этому переходу комплекс экономических, социальных, культурных, политических перемен, направленных на существенное обновление социальной структуры и изменение образа жизни людей.

⁴ Устав Архангельской области. URL: <https://dvinaland.ru/region charter/> (дата обращения: 15.07.2022).

⁵ Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь. Т. 1.: А-О. М.: ВЕЧЕ-АСТ, 1999. С. 434.

Однако произошел ли в 1920–1930-е гг. на Европейском Севере переход от доиндустриального к индустриальному обществу? Нет, ибо социальная структура местных сообществ практически не изменилась, ибо основная масса местного населения, как и прежде, была занята в сельском хозяйстве.

Между тем в начале 1930-х гг. советская власть заявила о необходимости ускоренного промышленного освоения национальных окраин уже во время первой пятилетки. Какими силами осуществлялось это преобразование? Крестьянское население Европейского Севера для решения этой задачи мобилизовать было невозможно, а потому промышленное строительство в северных регионах велось преимущественно руками заключенных и спецпереселенцев, а кадры промышленных рабочих формировались из узников лагерей ГУЛАГа. Уже в 1923 г. был создан Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ) на базе закрытого в 1920 г. Соловецкого монастыря. В 1929 г. именно с Соловков прибыла партия специалистов для строительства первой угольной шахты на Воркуте. В начале 1930-х гг. также отсюда были направлены группы специалистов на строительство комбината «Североникель».

Силами заключенных лагерей ГУЛАГа строились мурманский порт, рудники на Кольском полуострове, нефтепромыслы и угольные шахты в Коми. Уже к концу 1930-х гг. на всей территории Европейского Севера сформировалась новая поселенческая сеть, состоявшая из многих десятков спецпоселков и лагерей. Формирование сети стало следствием нового этапа колонизации — **штрафной колонизации**. Именно из лагерей впоследствии стали вырастать новые города на Кольском полуострове, в Коми, Архангельской области.

При этом важно заметить, что местному населению запрещалось вступать в какие-либо контакты не только с заключенными, но и с жителями спецпоселков (куда ссылали зажиточных крестьян). По сути, в регионах Европейского Севера сформировались два параллельных сообщества, одно из которых оставалось аграрным, сохранявшим традиционный уклад жизни, несмотря на проведенную в эти годы коллективизацию сельского хозяйства. Второе сообщество являло собой штрафной социум, объединенный общностью судеб и социальным статусом его членов, который исключал этих людей из местных сообществ (не случайно перепись среди них проводилась отдельно). Эти сообщества были сопоставимы даже по численности: так, к началу 1940-х гг. население Коми составляло около 300 тыс. чел, а в лагерях ГУЛАГа к январю 1941 г. находилось 197,5 тыс. чел. (к которым надо добавить несколько десятков тысяч спецпоселенцев), в Архангельской области численность заключенных (без спецпоселенцев) составила 120 тыс. чел. (а общая численность населения была около 500 тыс. чел.), в Карелии — 131 тыс. (жителей 470 тыс.) [Кустышев 2011: 26].

Об индустриализации как форме модернизационного развития на Европейском Севере можно говорить только со второй половины 1950-х гг., когда была разрушена система ГУЛАГа, началась ускоренная урбанизация, бурное промышленное развитие, стала меняться социальная структура местных сообществ, образ жизни населения.

Штрафная колонизация могла решить текущие задачи промышленного развития северных регионов — организацию добычи и транспортировки необходимого для промышленности сырья, но она не могла решить важнейшую социальную задачу — формирование постоянного и стабильного населения, ориентированного на интересы региональных социумов. В северных регионах не только формировались параллельные сообщества, но и возникали города без горожан, ибо большая часть жителей северных соцгородов составляли заключенные, спецпереселенцы, сотрудники спецкомендатур, охранники лагерей и их администрация. Основу топографии северных соцгородов составляла Зона, а сами лагерные сообщества были разделены внутренними социальными границами и их члены не могли сформировать сплоченных городских сообществ и тем более прочной городской идентичности. Город-концлагерь не воспринимался «жителями» своим. Подавляющее большинство горожан мечтало как можно скорее покинуть Север [Шабаяев, Жеребцов, Лабунова 2020].

Отказ от принципов штрафной колонизации Севера потребовал использовать для привлечения трудовых мигрантов реальные экономические стимулы, что и было сделано в 1950-е гг. Как результат в эти годы на Европейский Север начался масштабный приток мигрантов из других регионов страны и промышленность перешла на использование вольнонаемного труда (окончательно — к началу 1960-х гг.), хотя, к примеру, Воркуту до конца 1960-х гг. называли неофициально «городом зэков». Численность населения всех регионов Европейского Севера росла постоянно и весьма существенно, заметно менялся и этнический состав национально-государственных образований, а в этнодемографическом плане Европейский Север стал еще «более русским» (табл. 1), что ставило под сомнение исходные принципы национально-государственного строительства, которыми руководствовались большевики.

Таблица 1

Изменение доли русских в составе населения регионов Европейского Севера по данным переписей населения в 1970–2010 гг., %

Регион	1970	1979	1989	2002	2010
Карелия	68,2	71,3	73,5	76,6	82,2
Коми	53,1	56,7	57,7	59,6	65,1
Архангельская обл.	92,1	92,4	92,2	95,2	95,5
Ненецкий АО	64,5	65,8	65,6	62,4	66,1
Вологодская обл.	97,6	97,2	96,4	96,6	97,3
Мурманская обл.	84,6	83,8	82,9	85,3	89,0

Источники: данные переписей населения СССР и РФ.

Change in the share of Russians in the population of the regions of the European North according to population censuses, 1970–2010, %

Region	1970	1979	1989	2002	2010
Karelia	68,2	71,3	73,5	76,6	82,2
Komi	53,1	56,7	57,7	59,6	65,1
Arkhangelsk region	92,1	92,4	92,2	95,2	95,5
Nenets Autonomous District	64,5	65,8	65,6	62,4	66,1
Vologda region	97,6	97,2	96,4	96,6	97,3
Murmansk region	84,6	83,8	82,9	85,3	89,0

Source: census data of the USSR and the Russian Federation.

Активные процессы урбанизации укрепили процессы культурной унификации на Европейском Севере, ибо многие представители этнических меньшинств стали добровольно менять свою этническую идентичность, что западные эксперты определяют как процесс русификации [Сарв 1994]. Этнически ангажированные исследователи на местах отказ от языка предков и их этнической принадлежности называют «этническим нигилизмом» и представляют это явление как форму девиации, а не как реализацию каждым конкретным человеком своего права на культурную свободу.

Русские — это не только численно, но и культурно доминирующая группа, а потому вполне логично, что русское население формируется не только посредством естественного прироста, но, как и в предшествующие эпохи, отчасти за счет ассимиляции этнических меньшинств. Так, к примеру, опрос учащейся молодежи, проведенный в Коми еще в 1998 г., показал, что пятую часть составляли городские школьники (возраст 16–17 лет), у которых оба родителя коми называли себя русскими [Шабает 1998]. Процессы ассимиляции в последующие годы не ослабевали, о чем свидетельствовали результаты переписей населения.

Но ни в северных республиках, ни в областях не сформировались прочные и укорененные территориальные сообщества, обладающие ясно выраженной идентичностью. На наш взгляд, причин тому множество, но существенно значимо то, что *задача укоренения населения в советские и постсоветские годы никогда не ставилась как стратегическая цель северной политики*. Кроме того, как в республиках, так и в областях никогда не проводилась последовательная и научно обоснованная политика гражданской интеграции, о чем уже сказано выше. Привлечение населения на Север осуществлялось либо в форме штрафной мобилизации, либо в форме так называемого оргнабора, когда оно привлекается по временным договорам, а стимулом является более высокий, чем в среднем по стране, уровень оплаты труда. Высокий

уровень доходов населения на севере обеспечивался так называемыми районными коэффициентами, т.е. надбавками к заработной плате. Именно это обстоятельство и обеспечивало постоянный приток населения на Север и положительное сальдо миграции, хотя треть мигрантов покидало северные районы в первые три года жительства. Сегодня в промышленном развитии северных территорий важную роль играет вахтовый метод, а потому поезда на Север некоторые местные жители называют «бичевозками», определяя тем самым значимость временной рабочей силы для культурного облика северных территорий.

Север, камо грядеши

Современную социальную ситуацию на Европейском Севере России мы определяем как кризисную. Кризис носит многосторонний характер, и при этом он уже стал хроническим. В российском экспертном сообществе давно обсуждается проблема оттока населения с Дальнего Востока и активно обсуждаются меры, которые могут стимулировать закрепление здесь населения, осуществляется широкая программа экономического развития дальневосточных территорий. Но Европейский Север России, колонизация которого началась на много столетий раньше, теряет население даже более активно, чем регионы Дальнего Востока (табл. 2), что позволяет говорить о том, что сегодня идет процесс «опустынивания региона», который потенциально может превратить его в *terra nullius*, ибо с середины прошлого столетия поселенческая сеть в Карелии, Коми, Архангельской, Вологодской областях сократилась почти вдвое, а население массово покидает Север, причем особенно тревожным фактом является исход молодежи. С начала 1990-х гг., когда начался массовый исход населения с Севера, население Воркуты (с поселками) сократилось втрое, в карельском Беломорске — вдвое, в поселке Амдерма в Ненецком округе, который называли «Воротами Арктики», — в десять раз.

Таблица 2

Численность населения по данным переписей населения 1989 и 2021 гг., тыс. чел.

Регион	1989 г.	2021	% от 1989 г.	% от 2010 г.
Карелия	791	533	67,4	82,2
Коми	1261	738	58,5	81,9
Архангельская обл.	1570	1020	65,0	83,1
Ненецкий АО	55	41	74,5	97,6
Вологодская обл.	1354	1143	84,4	95,1
Мурманская обл.	1147	668	58,2	84,0

Источник: данные переписей населения 1989 и 2021 гг.

Population according to the 1989 and 2021 censuses, thousands of people

Region	1989	2021	Per cent of 1989	Per cent of 2010
Karelia	791	533	67,4	82,2
Komi	1261	738	58,5	81,9
Arkhangelsk region	1570	1020	65,0	83,1
Nenets Autonomous District	55	41	74,5	97,6
Vologda region	1354	1143	84,4	95,1
Murmansk region	1147	668	58,2	84,0

Source: 1989 and 2021 census data.

Исход населения был отчасти связан с демилитаризацией Севера, но большую роль играл переход к рыночной экономике и ликвидация нерентабельных предприятий, доля которых и сегодня остается высокой. В Беломорске (где заканчивается Беломоро-Балтийский канал) был ликвидирован рыбный порт и траловый флот, в Амдерме ликвидированы воинская часть, строительная организация, метеостанция, геологическая партия и закрыт порт, в Воркуте из 11 шахт осталось четыре, в Инте были закрыты все угольные шахты, в Никеле закрыли и рудник, и металлургический завод. То же самое можно сказать о многих других городах и поселках.

Для иллюстрации социальных проблем более уместны не статистические данные, а сами мнения северян. Поэтому приведем некоторые из них. В марте 2021 г. в сети было выложено «Письмо к Путину», написанное учительницей из Амдермы, которое процитировало агентство «Эхо Севера»: *«Пишу с поселка Амдерма, НАО, который находится на Крайнем Севере у Карского моря. Несмотря на то, что поселок находится в живописном месте, зрелище здесь не очень приятное. Кругом заброшенные, ветхие дома, некоторые вот-вот обрушатся. У берега много мусора бытового и габаритного железа. Хорошие люди здесь живут, но не везет им с избранными главами, которые работают только в свое благо. А точнее не работают, а делают вид, что работают, и набивают карманы.*

Народ не слышат и слышать не хотят. На каждое обращение дают обещания и решать их даже не собираются. Приехала на север подзаработать на квартиру, но все заработанные деньги уходят на еду и оплату некачественных ЖКУ. В магазинах очень большие наценки, много просрочки. ЖКУ оставляют желать лучшего.

Качество воды очень плохое с песком, фильтры быстро выходят из строя. У многих поэтому проблемы с почками. Часто промерзает вода, канализация в домах. Все старое. Трубы проржавевшие... дома с высоким процентом износа. Многие в аварийном состоянии. Порой ночами спать невозможно. Стоит ужасный треск в стенах и хлопки на потолке, обои в углах комнат рвутся

на глазах из-за разрывов стен. Квартиры холодные. Крысы. В некоторых клопы да тараканы...»⁶.

Как уже сказано, северные города и поселки активно теряют молодежь, и этот процесс в социальных сетях маркируется как социальная деградация. Подобное маркирование стало устойчивой формой демонстрации сущности социальных процессов, имеющих место в городах Европейского Севера, о чем свидетельствует название материалов и сайтов, описывающих названное явление: «Города-призраки Мурманской области», «Мертвые города на Кольском полуострове», «Умирающая Карелия: заброшенные заводы и поселки в объективе фотокамеры», «Вымирание малых городов Карелии: причины и следствия», «Архангельск. Умирающий край лесорубов».

Результаты опроса населения Мурманска, Архангельска и Сыктывкара, осуществленного нами в 2010 г., показали, что хотят покинуть нынешнее место жительства 35,5 % жителей Архангельска, 38,8 % Мурманска и 39,6 %, а среди молодежи в возрасте от 18 до 25 лет доля потенциальных мигрантов составляла уже 51,4 % [Шабаев 2013].

Начиная с 2018 г. совместно с Центром социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии мы ежегодно проводим опросы молодежи (школьников и студентов). С 2021 г. к указанным регионам была добавлена Архангельская область (хотя опыт совместных исследований уже был накоплен).

Обратим внимание только на некоторые результаты указанных исследований. Важно заметить, что за прошедшее десятилетие миграционные настроения молодежи не изменились [Шабаев и др. 2021], следствием чего стал массовый исход молодежи с Европейского Севера и серьезное ухудшение демографического качества населения. В статистическом сборнике «Молодежь в России 2010» приведены данные о доле молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет в общем составе населения субъектов российской Федерации в 2009 г. В Карелии эта возрастная группа составляла 23,6 %, в Коми — 24,0 %, в Архангельской области — 23,4 %⁷. Но за последние 10 лет в результате оттока молодежи из названных регионов доля молодежи существенно сократилась. Так, по данным Карелиястата, в 2018 г. доля молодых людей в составе населения республики равнялась 15,5 %⁸, т.е. за десятилетие снизилась на 8 %. По данным территориального органа государственной статистики по Республике Коми, в 2019 г. численность молодых людей в возрасте 15–29 лет равнялась 128 925 чел., или 15,5 % от общей численности населения РК, причем за предшествующие 5 лет численность молодежи в республике сократилась на 8,5 %⁹. Это чрезвычайно высокие темпы сокращения группы, которая

⁶ На столе у Путина // ИА «Эхо Севера». URL: <https://www.echosevera.ru/2021/03/02/603df198eac912c14110d3a3.html> (дата обращения: 15.07.2022).

⁷ Молодежь в России. 2010. ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.

⁸ Официальная статистика, Население. URL: http://krl.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/9d83f6804dca9bb1bb2bfb0d534aab22/72271.pdf (дата обращения: 15.07.2022).

⁹ Демографическая ситуация в республике за 2019 год. URL: <https://komi.gks.ru/news/document/83594?print=1> (дата обращения: 15.07.2022).

в принципе и должна как обеспечивать демографическое воспроизводство населения, так и поддерживать рынок труда. В Архангельской области в 2019 г. доля молодежи в составе населения равнялась 17,5 %¹⁰. *Иными словами, можно констатировать, что население периферийных северных регионов (республик и областей) быстро стареет, особенно это касается титульных этнических групп.* Главными причинами исхода молодежи с Севера является отсутствие возможностей для самореализации и поиск достойной работы. Мы согласны с теми исследователями, которые называют миграцию формой социального протеста [Zaloznaya, Gerber 2012], и с положениями Migration theory, где предлагается считать миграцию важным индикатором социальных процессов, происходящих в том или ином регионе [Brettell, Hollifield 2000]. Конечно, это протест опосредованный, но он тесно связан с теми настроениями, которые наличествуют в молодежной среде.

Как население в целом, так и молодежь не имеют представлений о перспективах развития своих регионов. Большинство респондентов и во время опроса 2010 г., и во время опросов последних лет указывали, что не имеют представлений о том, как будут развиваться их регионы в будущем, что явно снижает уровень социального оптимизма. Согласно данным опроса 2020 г., в Коми о своей уверенности в будущем заявило только 14 % молодых людей, а 17,3 % студентов и 25,3 % школьников указали, что испытывают тревогу и неуверенность, когда думают о будущем. Подталкивает к миграции и оценка молодежью общей социально-экономической ситуации в регионах. Так, в Карелии состояние дел в республике оценили как хорошее 2,2 % студентов и 3,8 % школьников; вариант ответа «хорошее, но есть проблемы» выбрали 33,5 % студентов и 42,8 % школьников, остальные респонденты выбрали различные варианты негативной оценки либо затруднились с ответом. В Коми 2,0 % студентов оценили ситуацию как хорошую и так же ответили 8,0 % школьников. Еще около трети опрошенных избрали вариант ответа умеренно позитивной оценки ситуации, но большинство респондентов склонны к отрицательной оценке ситуации в республике. В Коми только 7 % респондентов указали, что представляют себе пути дальнейшего развития республики. И не случайно, что уровень доверия к институтам региональной власти (как показали результаты упомянутых опросов) у молодежи низок, а молодые люди в Петрозаводске, Мурманске, Архангельске, Вологде, Сыктывкаре были активными участниками протестов в январе 2020 г.

Для пессимистических настроений есть основания, ибо в экономическом развитии названных регионов множество проблем, а население в последние годы беднеет. Официальная статистика указывает, что рост денежных доходов населения имеет стабильный и устойчивый характер. Но вместе с тем даже официальные данные свидетельствуют, что уровень бедности остается высоким и снижается медленно, причем в Карелии, Коми, Архангельской и Вологодской областях он выше среднероссийского показателя¹¹. Если же мы будем оценивать

¹⁰ Об утверждении государственной программы Архангельской области «Молодежь Поморья» от 09 октября 2020. URL: docs.cntd.ru

¹¹ Социально-экономические показатели 2021: стат. сб. М.: Росстат, 2021.

уровень доходов и расходов населения, порядок цен на товары и услуги, то окажется, что население в регионах Европейского Севера, несмотря на относительно высокие средние денежные доходы, живет беднее среднестатистического россиянина [Шабаев, Подоплекин 2017]. А это означает, что реальных стимулов для сохранения населения на Европейском Севере сегодня нет и в ближайшей перспективе он и дальше будет активно его терять.

Выезд жителей с «Северов» стал устойчивой «традицией», ибо продолжается социальная и экономическая деградация северных регионов. Не случайно Правительство РФ предприняло срочные меры по санации экономики Карелии, выделяет дополнительные средства другим проблемным северным регионам. Но перспективы их развития все равно остаются неопределенными, что не только стимулирует миграцию, но и порождает рост недоверия к деятельности региональных властей. Впрочем, не меньшую роль в росте протестных настроений играют и непродуманные действия политических лидеров, некоторые из которых, очевидно, не понимают специфику общественных настроений во вверенных им регионах.

Так, в 2018 г. московский мэр С. Собянин и губернатор Архангельской области И. Орлов подписали соглашение о создании на станции Шиес, расположенной на границе АО и Коми, крупнейшего в Европе мусорного полигона, где должны были складироваться и брикетироваться твердые отходы, поступающие из Москвы. Не дожидаясь утверждения проекта и проведения экологической экспертизы, приступили к расчистке территории и подготовительным работам, что вызвало обеспокоенность у специалистов-экологов и возмущение местного населения. Начались протестные акции, которые вылились затем в масштабную кампанию протеста, а на станции Шиес появился палаточный пикет экологических активистов, просуществовавший здесь более года, несмотря на многочисленные попытки его ликвидировать. Активисты-экологи из Архангельска, Коми и других регионов сменяли друг друга и несли постоянную вахту возле предполагаемого полигона, деревянные мосты на подходах к полигону сожгли¹², в столице Коми в июне 2019 г. прошел самый масштабный в постсоветской истории митинг протеста. Протесты были оправданы, ибо ни экологическая экспертиза территории, ни гидрогеологическая экспертиза не были проведены, а специалисты опасались, что через несколько лет складироваемые отходы, располагавшиеся всего в нескольких километрах от реки Вычегды, начнут разлагаться и токсичные стоки во время весеннего таяния снегов попадут в Вычегду, а оттуда в Северную Двину, которая обеспечивала водой 70 % населения Архангельской области.

Масштабные акции протеста вынудили власти отказаться от идеи строительства полигона, но это произошло тогда, когда и в Коми, и в Архангельской области, и в Ненецком автономном округе (НАО) сменились губернаторы. Причем Архангельскую область возглавил А. Цыбульский, 2,5 года занимавший до этого кресло губернатора НАО, а временно исполняющим обязанности губернатора Ненецкого округа стал первый заместитель главы администрации

¹² Варламов И. Шиес. История народного бунта. URL: <https://varlamov.ru/3713226.html> (дата обращения: 15.07.2022).

округа Ю. Бездудный, проработавший в округе всего год. Уже в мае 2020 г., т.е. вскоре после своих новых назначений, два и.о. подписали меморандум о намерении объединить АО и НАО¹³. В конце года предполагалось провести референдум об объединении. В Коми, в свою очередь, вновь стали муссироваться слухи о том, что есть мнение о необходимости возродить Северный край (существовал с 1929 по 1936 г.). Впрочем, слухи об объединении появлялись и ранее, но теперь они обрели конкретику, поскольку появился такой документ, как «Стратегия пространственного развития», в котором обосновывалась логика формирования макрорегионов¹⁴. Поэтому угроза включения республики в состав более крупного субъекта и утрата Сыктывкарком столичного статуса стала восприниматься в Коми как вполне реальная. Однако более всего было недовольно население НАО. Попытки объединить НАО с областью предпринимались уже неоднократно и каждый раз они заканчивались провалом, ибо население настроено категорически против подобного рода преобразований. Новым политическим менеджером, возглавившим НАО и АО, надо было изучить общественные настроения и специфику подвластных регионов, прежде чем принимать подобные непродуманные решения. Своими действиями Цыбульский с Бездудным спровоцировали мощную волну социального протеста со стороны жителей НАО, которая вылилась в протестное голосование по поправкам к Конституции РФ на референдуме, прошедшем летом 2020 г. НАО оказался единственным регионом, где большинство населения проголосовало против поправок. В 2021 г. на выборах депутатов Госдумы губернатор НАО возглавил список «Единой России», что спровоцировало дружное голосование жителей округа за КПРФ (получившую 32 % голосов против 29 % у ЕР), хотя на Севере коммунисты традиционно не пользовались поддержкой населения. Такой же политический сдвиг произошел и в Коми, где список ЕР возглавил новый губернатор. Здесь важно заметить, что Шиес не только усилил недоверие к региональным властям, но и вывел на политическую сцену новых лидеров и активистов оппозиционного толка, спровоцировал появление неких новых политических практик.

Во-первых, в рядах межрегионального экологического движения, возникшего во время противостояния на Шиесе, сформировались и получили политический опыт молодые этнические активисты, силами которых в Коми возродилась давно ушедшая с политической сцены так называемая партия «Дорьям Асьнымос», отличавшаяся этническим радикализмом. Новый лидер партии Сергей Ефимов заявляет, что численность партии растет как на дрожжах и ее основу составляет молодежь и люди среднего поколения, которые должны внести свежую кровь в Коми движение в целом. Под контролем молодых радикалов оказалось и столичное отделение провластного межрегионального движения «Коми войтыр». А в Коми парламенте депутаты-коммунисты стали выступать

¹³ Меморандум об объединении Архангельской области и НАО. URL: <https://www.echosevera.ru/2020/05/13/5ebc041eac912a9f15d4f73.html> (дата обращения: 15.07.2022).

¹⁴ Коми, НАО и Архангельскую область объединят в Северный макрорегион. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/92994/> (дата обращения: 15.07.2022).

с трибун только по коми, хотя культура языкового поведения в поликультурных средах предполагает использование того языка, который понимают все присутствующие.

Во-вторых, Шиес способствовал укреплению такого явления, как «нашизм», суть которого в отторжении местными сообществами назначенцев на высшие посты, не являющихся местными уроженцами или не связанных с северными регионами фактами трудовой биографии или этническим происхождением. Выдвиженец КПРФ экологический активист О. Михайлов в начале лета 2021 г. разместил в центре Сыктывкара на стене жилого дома огромный плакат, надпись на котором призывала жителей республики отвергать «варягов» во власти и голосовать за местных. Плакатный патриот пошел дальше и на заседаниях Госсовета РК обрушился с резкой критикой в адрес действующего губернатора В. Уйбы (бывшего заместителя министра здравоохранения РФ), который в свою очередь в кулуарах после заседания грубо ответил депутату республиканского парламента. Это, конечно, сказалось на имидже губернатора, пытающегося доказать, что он в Коми не временщик и настроен на долгую и кропотливую работу по выводу региона из кризиса и является почти «своим», поскольку якобы имеет неких предков из числа финно-угров. Однако заигрывания с националами и попытки быть активным публичным политиком не помогли во время выборов осени 2021 г. Можно, конечно, сказать, что в РК «Единая Россия» одержала победу по партийным спискам (29,44 %), но ее перевес над КПРФ (26,55 %) оказался крайне мал. Почти 12 % получила ЛДПР и 9,6 % партия «Новые люди», которую больше поддерживали из-за ее названия, давая понять элитам, что обновление политического класса необходимо. Но самое показательное заключалось в том, что республиканская политическая элита в целом и лично Глава республики В. Уйба, возглавивший список ЕР, потерпели политическое поражение. В столице республики протестное голосование позволило впервые КПРФ обойти ЕР. Коммунисты, которые никогда не пользовались прежде значительной поддержкой населения, получили 30,38 % голосов избирателей против 26,87 % у «Единой России». А Олег Михайлов одержал громкую победу, получив мандат депутата Госдумы и обойдя единороссовского «тяжеловеса» Ольгу Савостьянову (местную уроженку), позиции которой до начала кампании казались прочными. Сегодня в своих выступлениях в качестве новоизбранного депутата Госдумы О. Михайлов заговорил о «московском колониализме», что, наверняка, найдет отклик в регионах, ибо сторонников этой идеи в стране достаточно (можно привести в качестве примера сторонников виртуального «сибирского движения» и предложения его идеологов).

Не вызывает сомнений, что протестные настроения достаточно широко распространены на российской северной периферии, что требует особой тщательности при подготовке кадров управленцев высшего звена, которым предстоит работа на Севере, а также корректировок в региональной политике федерального центра.

Заключение

Очевидно, что для решения социальных и экономических проблем населения регионов Европейского Севера необходимо существенно ускорить их экономическое развитие, чтобы увеличить налоговые поступления в местные бюджеты.

Но для успешного экономического и социального развития нужны действенные стимулы, ибо прежние уже не работают. Вероятно, необходимы отдельные стимулы для населения и отдельные — для бизнеса, причем социальный сервис (деревенские магазины, мелкие мастерские, кафе, небольшие транспортные предприятия, занимающиеся доставкой товаров) либо вообще должны быть освобождены от налогов (как это практиковалось в императорской России), либо налоговое бремя необходимо существенно снижать, чтобы добиваться снижения издержек и, соответственно, отпускных цен для населения. Ощутимый экономический рост может решить многие региональные проблемы, на что указывает опыт НАО. Здесь в 1990-е гг. отток населения был таким же значительным, как и в других регионах Европейского Севера. Однако начало масштабных работ по освоению нефтяных богатств исправило ситуацию и с начала 2000 гг. отток населения почти прекратился. Однако тот же опыт округа показывает, что развитие должно быть комплексным, а региональная экономика многоотраслевой, ибо иначе «процветание» будет носить очаговый характер, а проблемные территории и поселения останутся.

Как показывает весь предшествующий опыт освоения северных территорий, здесь нельзя делать ставку исключительно на экономический рост, а в первую очередь надо решать социальные проблемы. В числе таковых, конечно, и проблема укоренения населения, для чего необходимо создание комфортных условий жизни и труда, адаптированных к условиям Севера, что требует принципиальных изменений в формировании поселений, их жилого и социального пространства, а равно и в формировании производственной среды. Необходимо также создание нового и привлекательного образа северных территорий, но, к сожалению, на гуманитарную сторону развития территорий политические элиты до сих пор не обращают внимания, что свидетельствует о необходимости качественной переподготовки региональных политических менеджеров. Следует заметить, что не только опыт создания концепции «культурной кладовой», но и пример кольского поселка Териберка, который после фильма Звягинцева не только возродился, но и превратился в знаковое место, показывает значимость символов и культурных маркеров как инструментов социальной инженерии. Сам же Европейский Север в целом должен и может стать центром притяжения и туристической территорией не менее значимой, чем Золотое кольцо. Но для этого требуется большая созидательная работа, и не только организационная, но и культурно-просветительская, а также формирование соответствующей инфраструктуры. Между тем необходимо подчеркнуть, что трасса на Нарьян-Мар строится с 1998 г. и конца строительных работ ждать еще долго. Для решения проблем территориального развития нужна продуманная и обеспеченная финансированием межрегиональная программа «Русский Север». Актуальной

становится также и задача формирования и реализация комплексных, но реализуемых программ развития отдельных северных регионов (принципиально отличных от прежних — «дежурных»), создание нового образа Русского Севера, опирающегося на его многовековое культурное наследие.

Поступила в редакцию / Received: 15.07.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 20.09.2022

Принята к публикации / Accepted: 25.09.2022

Библиографический список

- Беляев Д.П.* Начальный этап колонизации Мурмана и архипелага Новая Земля во второй половине XIX — начале XX вв.: от замыслов к воплощению идеи // *Живущие на Севере. Альманах*. Вып. 1. Мурманск: МГПУ, 2010. С. 30–34.
- Витухновская-Кауппала М.* «Карелия для карел!»: гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio*. 2010. № 4. С. 245–282. <https://doi.org/10.1353/impr.2010.0110>
- Кангаспуро М.* Взлет и падение «красных финнов» // *Север*. 1997. № 11–12. С. 112–118.
- Канев Ю.В.* История Ненецкого края. Нарьян-Мар: Управление образования НАО, 2005. 186 с.
- Кауппала П.* Сравнительный анализ моделей национально-государственного строительства Коми и Карельской автономий в условиях НЭПа (в контексте опыта Великого Княжества Финляндского) // *История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации: материалы республиканской научной конференции*. Сыктывкар: Институт ЯЛИ, 2006. С. 14–22.
- Коротаев В.И.* Русский Север в конце XIX — начале XX века: проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1998.
- Кустышев А.Н.* Отказы работать в лагерях ГУЛАГа на европейском севере России // *История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность*. Сыктывкар: Институт ЯЛИ, 2011. С. 24–28.
- Сарв Х.* Финно-угры России в ходе столетий // *Финно-угорские народы и Россия*. Таллин: Институт Яана Тыниссона, 1994. С. 26–41.
- Слезкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Сурво В., Сурво А.* «Центры» и «периферии» фин(лянд)ского семиозиса // *Геокультурное пространство европейского севера. Поморские чтения по семиотике культуры*. Вып. 4. Архангельск, 2009. С. 174–190.
- Тишков В.А.* Стратегия и механизмы национальной политики // *Национальная политика в Российской Федерации*. М.: Наука, 1993. С. 8–40.
- Шабает Ю.П.* Время кризиса и этнополитические воззрения молодежи // *Идентификация идентичности*. Т. 2. М.: ИЭА РАН, 1998. С. 91–112.
- Шабает Ю.П.* Культурное пространство «Русского Севера» // *Антропология социальных перемен*. М.: РОССПЭН, 2011. С. 481–496.
- Шабает Ю.П.* Культурный апокалипсис или гражданская консолидация? // *Социологические исследования*. 2013. № 3. С. 28–36.
- Шабает Ю.П., Бирин В.Н., Миронова Н.П. и др.* Молодежь в политическом и культурном пространстве республик с финно-угорским населением: позиции, настроения, риски. Москва: РГГУ, 2021.

- Шабает Ю.П., Логинова Н.Н. Уральские народы России и Зарубежной Европы. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2017.
- Шабает Ю.П., Подоплекин А.О. Европейский север России: этнополитика и кризис местных сообществ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. № 1. С. 22–31.
- Шабает Ю.П. Уральские народы в этнополитическом ландшафте России: региональный национализм и этнополитика // Этнические и языковые проблемы в современной России: региональные аспекты. М.: РГГУ, 2018. С. 219–265.
- Шабает Ю., Жеребцов И., Лабунова О. Антропология заполярного города: идентичность, ментальная карта и меняющиеся образы Воркуты // Антропология города. Вып. 2. Северный город: Культурное пространство и идентичность в арктических и субарктических городах. Москва-Сыктывкар: РГГУ, 2020. С. 12–50.
- Шабает Ю.П., Омаров М.А. Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики. М.: РГГУ, 2021.
- Brettell C.B., Hollifield J.F. (Eds.). *Migration Theory: Talking across disciplines*. New York and London: Routledge, 2000.
- Zaloznaya M., Gerber T.P. Migration as Social Movement: Voluntary Group Migration and the Crimean Tatar Repatriation // *Population and Development Review*. 2012. Vol. 38, No. 2. P. 259–328.

References

- Belyaev, D.P. (2010). The initial stage of colonization of Murmansk and the Novaya Zemlya archipelago in the second half of the XIX — early XX centuries: from plans to the embodiment of the idea. *Living in the North Almanac* (pp. 30–34). Issue 1. Murmansk: MSPU. (In Russian)
- Brettell, C.B., & Hollifield, J.F. (Eds.) (2000). *Migration Theory: Talking across disciplines*. New York and London: Routledge.
- Kangaspuro, M. (1997). The rise and fall of the “Red Finns”. *North*, (11–12), 112–118. (In Russian)
- Kauppalu, P. (2006). Comparative analysis of models of national-state construction of Komi and Karelian autonomy in the conditions of the NEP (in the context of the experience of the Grand Duchy of Finland). In *History and modern development of the Komi Republic as part of the Russian Federation*. (pp. 14–22). Syktyvkar: ILLH KarRC RAS. (In Russian)
- Korotaev, V.I. (1998). *The Russian North in the late XIX — early XX century: Problems of modernization and social ecology*. Arkhangelsk: Publishing House of the Pomorsky University.
- Kustyshev, A.N. (2011). Refusals to work in GULAG camps in the European north of Russia. In *History and prospects of development of the northern regions of Russia: the role of the Gulag, memorial activities* (pp. 24–28). Syktyvkar: ILLH KarRC RAS. (In Russian)
- Sarv, H. (1994). Finno-Ugric Peoples of Russia in the course of centuries. In *Finno-Ugric peoples and Russia* (pp. 26–41). Tallinn: Institute of Jaan Tynisson. (In Russian)
- Shabaev, Yu. P., Birin, V. N., Mironova, N.P. et al. (2021). *Youth in the political and cultural space of the republic with the Finno-Ugric population: positions, moods, risks*. Moscow: RSUH. (In Russian)
- Shabaev, Yu., Zherebtsov, I., & Lobanova, O. (2020). Anthropology of the Polar city: identity, mental map and changing images of Vorkuta. In *Anthropology of the city. Vol. 2. The Northern City: Cultural space and identity in Arctic and subarctic cities* (pp. 12–50). Moscow-Syktyvkar: RSUH. (In Russian)
- Shabaev, Yu.P. (1998). Time of crisis and ethno-political views of youth. In *Identification of identity*. Vol. 2, (pp. 91–112). Moscow: IEA RAS. (In Russian)
- Shabaev, Yu.P. (2011). Cultural space of the “Russian North”. In *Anthropology of Social change* (pp. 481–496). Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

- Shabaev, Yu.P. (2013). Cultural apocalypse or civil consolidation? *Sociological studies [Sotsiologicheskie Issledovaniia]*, (3), 28–36. (In Russian).
- Shabaev, Yu.P. (2018). Ural peoples in the ethnopolitical landscape of Russia: regional nationalism and ethnopolitics. In *Ethnic and linguistic problems in modern Russia: Regional aspects*. (pp. 219–265). Moscow: RSUH. (In Russian).
- Shabaev, Yu.P., & Loginova, N.N. (2017). *Ural peoples of Russia and Foreign Europe*. Saransk: Publishing house of Mordovians University. (In Russian).
- Shabaev, Yu.P., & Omarov, M.A. (2021). *Regionalism and Ethnicity in Russia: Historical evolution and Modern Political practices*. Moscow: RSUH. (In Russian).
- Shabaev, Yu.P., & Podoplekin, A.O. (2017). The European North of Russia: ethnopolitics and the crisis of local communities. *Political expertise: POLITEX*, (1), 22–31. (In Russian).
- Slezkin, Yu. (2008). *Arctic mirrors. Russia and the Small Peoples of the North*. Moscow: New Literary Review. (In Russian)
- Survo, V., & Survo, A. (2009). “Centers” and “peripheries” of Finnish semiosis. In *Geocultural space of the European North. Pomor readings on the semiotics of culture* (Issue 4, pp. 174–190). Arkhangelsk. (In Russian).
- Tishkov, V.A. (1993). Strategy and mechanisms of national policy. In *National Policy in the Russian Federation* (pp. 8–40). Moscow: Nauka. (In Russian),
- Vitukhnovskaia-Kaupala, M. (2010) “Karelia for Kare!”: civil war as a catalyst of national consciousness. *Ab Imperio*, (4), 245–282. (In Russian) <https://doi.org/10.1353/imp.2010.0110>
- Zaloznaya, M., & Gerber, T.P. (2012). Migration as Social Movement: Voluntary Group Migration and the Crimean Tatar Repatriation. *Population and Development Review*, 38(2), 259–328.

Сведения об авторе:

Шабаяев Юрий Петрович — доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН (e-mail: yupshabaev@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0867-4662).

About the author:

Yury P. Shabaev — Doctor of Historical Sciences, Head of the Sector of Ethnography of the Institute of Language, Literature and History of the FRC Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: yupshabaev@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0867-4662).